

ББК 63.3(2)534

С.Н. Цысь

**Уличная преступность и обеспечение правопорядка
в городах Томской губернии
в годы Первой мировой войны (1914 – осень 1917 г.)**

S.N. Tsys

**Street Criminality and Maintenance of the Law and Order
in Cities of Tomsk Province during the First World War
(1914 – Autumn of 1917)**

Исследуется уровень преступности накануне и в годы Первой мировой войны в городах Томской губернии. Вследствие проведения мобилизационной кампании и установления запрета на торговлю спиртным рост преступности на время приостановился и даже несколько сократился по сравнению с довоенным уровнем. После революционных событий февраля 1917 г., последовавшего за ними роспуска полиции и освобождения уголовных элементов из тюрем в городах Томской губернии произошел взрыв уличной преступности, проявившейся в многократном увеличении количества краж, грабежей, разбойных нападений и убийств.

Ключевые слова: преступность, Первая мировая война, Западная Сибирь, города.

В течение всего предшествовавшего Первой мировой войне более чем пятидесятилетнего периода проблема преступности в западносибирском регионе оставалась весьма серьезной. Как было установлено Д.М. Шиловским, это время в Сибири сопровождалось постоянным ростом преступности, который значительно опережал рост численности населения, а возрастание количества преступлений происходило во многом за счет тяжких, доля которых в общей массе преступных посягательств медленно, но неуклонно увеличивалась [1, с. 17]. Анализ статистических данных о количестве и характере совершенных в Томской губернии преступлений за последние предвоенные годы (1910–1912) подтверждает, что преступность в целом и интересующая нас уличная преступность в частности в этот период также сохраняли тенденции к росту. Весьма подробные сведения по конкретным видам уличных преступлений, опубликованные в Обзорах Томской губернии за 1911 и 1912 гг., отражают рост числа краж, изнасилований, разбоев и грабежей, нанесения тяжких телесных повреждений и убийств [2–3]. В сибирской деревне криминальная ситуация в целом была более благоприятной, нежели в городах, где уровень преступности был примерно в 2,5 раза выше. Но и в городах степень криминальной опасности была различной. Так, если проанализиро-

On the eve of war in cities of Tomsk Province the crime rate was rather high, and the tendency to its further growth remained. With the beginning of the First World War owing to carrying out mobilization campaign and establishment of an interdiction for trade in alcohol criminality growth has stopped for a while and even was a little reduced in comparison with pre-war level. After revolutionary events of the February, 1917, police dissolution and discharge of criminal elements from prisons, in cities of Tomsk province there was an explosion of the street criminality, it became apparent in repeated increase of quantity of thefts, robberies, armed assaults and murders.

Key words: criminality, First World War, Western Siberia, cities.

вать статистику убийств, то наиболее безопасными в криминальном отношении городами губернии накануне войны следует признать Бийск и малые города – Кузнецк, Кольвань и Боготол. Неоднозначной была ситуация и в быстро растущем Новониколаевске, где в 1910 г. было зафиксировано рекордное для крупных городов Западной Сибири количество убийств в пересчете на численность населения, но в последующие годы случаи убийства были редки настолько, что город можно было бы отнести в этом плане к числу наиболее безопасных. Наименее благоприятными в криминальном отношении следует признать Барнаул, а из малых городов – Каинск, Мариинск, Нарым, Татарск и Тайгу, где одно убийство приходилось, как правило, менее чем на 3000 жителей [2–3].

О степени распространения краж – одного из основных и наиболее социально опасных видов имущественных преступлений – можно судить, сопоставив данные об их количестве в городах Сибири, столице и Москве за 1914 г. В отчетах томского полицмейстера за этот год содержится информация о 368 совершенных в городе кражах, в Новониколаевске полицией было зафиксировано 373 случая воровства, а в Бийске – 105 (подсчитано по: [4]). В столице согласно данным сыскного отделения за 1914 г. произошло 5837 случаев воровства, а сыскное

отделение полиции Москвы приводит данные о 4198 произошедших в городе кражах [5, с. 60–61]. Таким образом, при сопоставлении численности населения этих городов даже при самых поверхностных подсчетах обнаруживаем, что кражи в упомянутых сибирских городах были явлением намного более распространенным, чем в крупнейших городах страны.

Отметим, что накануне войны произошли изменения в высшем кадровом составе полиции, способные оказать хотя и временное, но позитивное влияние на деятельность по обеспечению правопорядка, безопасности и спокойствия на улицах двух крупнейших городов губернии. В начале 1911 г. место томского полицмейстера занял М.П. Шерemet – человек, по замечанию Н.С. Ларькова, в дальнейшем блестяще проявивший себя на службе в этой должности и снижавший искреннее уважение горожан [6, с. 104–107]. Несколько ранее – в 1910 г. – губернатором был отстранен от занимаемой должности новониколаевский полицмейстер П. Висман, привлеченный впоследствии вместе с несколькими полицейскими стражниками и городскими к судебной ответственности по обвинению в совершенных ими за время службы многочисленных преступлениях. Положительный итог произошедших изменений был отмечен даже газетами демократической направленности. В статье очередного номера газеты «Утро Сибири» за 17 апреля 1914 г., приуроченной к открытию судебного процесса над бывшими новониколаевскими полицейскими, корреспондент газеты отмечал, что волна преступности, захлестнувшая в недавнем прошлом многие сибирские города и навсегда оставившая свой след в народной памяти, уже несколько лет как окончательно отступила [7, с. 2–3].

С началом войны криминальная и криминогенная ситуации в городах Томской губернии претерпели первые серьезные изменения. Наряду с мобилизацией, в результате которой часть лиц, имевших склонность к совершению противоправных действий, отправились на фронты войны, благоприятный эффект поначалу оказывал и «сухой закон», введенный на территории губернии в первых числах августа. В сентябре 1914 г. «Сибирская жизнь» отмечала, что по полицейским данным в связи с закрытием винных лавок число преступлений в сибирских городах значительно сократилось – в Томске их количество уменьшилось на 27%, а максимального понижения, по словам газеты, удалось добиться по таким видам преступлений, как хулиганство, нанесение побоев, поранение [8, с. 1].

В полицейских отчетах за ноябрь–декабрь 1915 г. криминальная ситуация оценивалась как вполне удовлетворительная [9, л. 257, 289–289об.]. В то же время до конца 1915 г. криминальная тема в прессе не поднималась, а публикаций, которые свидетельствовали бы о значительном росте или снижении количества

совершаемых в городах преступлений, отсутствовали. Однако в этот период проявились первые симптомы будущих едва преодолимых трудностей в обеспечении законности и правопорядка в сибирских городах, выразившиеся в быстром развитии подпольной торговли спиртным и алкогольными суррогатами. Борьба с этим явлением, не увенчавшаяся сколько-нибудь значительным успехом, стала в этот период главным направлением деятельности полиции [10, с. 267–275].

После рождественских праздников и особенно во второй половине 1916 г. характер публикуемых в прессе заметок и статей свидетельствует о росте в Томске и других сибирских городах краж и некоторых других видов имущественных преступлений. При этом значительная их часть выделялась своей специфичностью, нехарактерной для предвоенного времени. Наиболее значительным был рост числа мелких краж. Так, например, весной в Томске распространились кражи и взломы кружек для пожертвований, расположенных в общественных местах, приемных или же просто закрепленных на фасадах зданий [11, л. 177, 183, 189], с дверей стали исчезать медные вывески и номерки, которые похитители сбывали кустарям [12, с. 3; 13, с. 3]. Летом 1916 г. «Сибирская жизнь» писала, что на Преображенском кладбище «подозрительные лица по ночам вырубают на кладбище лес, разбирают оградки могил и похищают кресты для отопления» [14, с. 3]. Все большее распространение получали кражи уже далеко не новой одежды, обуви, продуктов питания. На рыночных площадях и улицах города женщины и дети расхватывали дрова с проезжающих мимо телег. В прессе то и дело появлялись сообщения об участившихся случаях карманного воровства в очередях. С осени 1916 г. сообщения о кражах становились все более частыми и тревожными. «За последнее время, если обратить внимание на хронику городских происшествий, – писала в ноябре 1916 г. «Сибирская жизнь», – в городе Томске участились имущественные преступления. Очевидно, все возрастающая дороговизна играет в этом явлении не последнюю роль...» [15, с. 3].

Отметим, что общая направленность газетных публикаций противоречит полицейским делопроизводственным документам и подготовленным на их основе ведомостям о происшествиях, которые томский губернатор предоставлял в МВД. Согласно им в Томске количество краж в 1916 г. не увеличилось или увеличилось крайне незначительно по сравнению с 1914 г. В таком крупном городе, как Бийск, во второй половине 1916 г. краж вообще было зарегистрировано значительно меньше, чем за аналогичный период 1914 г., а в Новониколаевске, например, отмечалось более чем двукратное уменьшение их числа. За обозначенный период только в Барнауле полицейскими фиксировался значительный, почти трехкратный рост воровства.

Отмеченное несоответствие, на наш взгляд, объясняется двояко. Во-первых, в полицейских рапортах и отчетах сведения о количестве преступлений далеко не всегда были точны – при сопоставлении полицейских данных за предыдущие годы с данными, полученными губернским управлением от судебных инстанций практически всегда наблюдаются значительные расхождения в цифрах. Во-вторых, информация о совершенной краже появлялась в полицейском отчете лишь в том случае, если было возбуждено уголовное дело или начато полицейское расследование.

Неразрешенность проблемы воровства в условиях падения уровня жизни широких слоев населения и ощущение безнаказанности за мелкие хищения чужого имущества стали провоцировать дальнейший рост имущественных преступлений, среди которых стали преобладать мелкие кражи. В зимние месяцы 1917 г. рост количества краж регистрировался уже не только периодической печатью, но и в полицейских ведомостях о городских происшествиях. В Томске, например, согласно этим отчетам, в январе 1917 г. было совершено 50, а в феврале – 54 кражи [16], т.е. самое большое их количество за все предыдущие военные месяцы и полугодовой предвоенный период. В сравнении с аналогичным периодом 1914 г. число краж увеличилось более чем на 15%, а по сравнению с январем-февралем 1916 г. на 42,5% (подсчитано по: [4; 16]). В газетах с тревогой сообщалось о чрезвычайном разгуле воровства в городе, принимавшего, по словам корреспондента «Сибирской жизни», характер «воровских облав» [17, с. 3]. «Крадут все, что попадет под руку: масло, мясо, муку, дрова, тележки, колеса, – писала газета в феврале 1916 г., – очищение квартир от всякого платья, хранящихся денег, вещей – производится с особенной настойчивостью!» [18, с. 3].

С 1916 г. криминогенная ситуация в городах еще более осложнялась ввиду постоянного увеличения численности гарнизонов и падения в них воинской дисциплины. Деморализованные солдаты, находившиеся в увольнении или в отлучке, дезертиры и уклонисты быстро втягивались в криминальную среду. «Праздношатательство», пьянство, хулиганство, посещение находившихся вблизи казарм притонов и публичных домов вошло в это время у солдат в обыденность, а совершаемые военными преступления серьезно сказывались на общественной безопасности. Все это отвлекало значительные силы полиции, а высылка ей в помощь воинских патрулей не приносила желаемых результатов [19, с. 126]. Во время полицейских облав на притоны и другие злчанные места города только в период с апреля по сентябрь 1916 г. в Томске было задержано 43 дезертира, среди которых многие были в розыске по обвинению в многочисленных преступлениях (подсчитано по: [11]). К их числу относились не только кражи, но и более тяжкие проступки. В Томске и Новониколаевске в 1916 г. неоднократно имели

место случаи вооруженных нападений солдат на прохожих, сопровождавшихся грабежом и избиениями [11, л. 26; 20, л. 34; 21, л. 40об.]. В Томске солдаты участвовали в вооруженном грабеже квартиры [22, л. 487–487об.], а в Барнауле в декабре 1916 г. с участием военнослужащих произошло разбойное нападение на торговую лавку потребительского общества «Сотрудник» [23, л. 38–38об.]. Солдаты настолько уверенно и безнаказанно чувствовали себя на улицах городов, что вступали в стычки с полицейскими по самым малозначительным поводам. В Новониколаевске в марте 1916 г. имел место случай, когда в ответ на требование городского вести себя прилично группа подвыпивших солдат ответила бранью, после чего учинила драку с подоспевшими на помощь городскому приставом и старшим городовым, нанесли одному из полицейских серьезную ножевую рану и отобрали револьвер [20, л. 6об.; 22, л. 195–195об.]. Падение дисциплины не обошло и офицеров гарнизона. Так, например, 1 января 1917 г. группа пьяных прапорщиков, разъезжая на извозчике по Томску, в разных частях города избивала без всякого повода трех солдат [24, л. 9–9об.].

Дополнительные трудности полиции создавала вновь актуализировавшаяся проблема нехватки квалифицированных кадров, прежде всего городских и стражников. В условиях, когда желающих надеть полицейскую форму из-за низкого жалования было немного, в штат полиции на замещение этих должностей стали принимать случайных людей, не проявлявших должного усердия в борьбе с правонарушениями, а порой и представлявших угрозу для граждан. Так, в марте 1916 г. томский городской М. Колокольников, самовольно отлучившийся из команды городских, после употребления изрядного количества спиртного в квартире своей сожительницы пытался выстрелить из табельного револьвера в явившихся за ним коллег, отправленных приставом для его разоружения [22, л. 178].

Другой случай имел место и в Новониколаевске, где 29 мая 1916 г. городской Ф. Прохоров выстрелом из револьвера во время вспыхнувшей за распитием спиртных напитков ссоры убил ударившего его крестьянина [22, л. 463]. В феврале 1917 г. в рапорте губернатору пристав 2-го участка города Томска дал нелестную характеристику личности убитого в Томске городского, поступившего на службу в октябре 1915 г., отмечая, что «...убитый городской Бакарев имел слабость к спиртным напиткам и не был особенно ревностным в службе» [24, л. 5об.].

Несколько иной была ситуация в других крупных сибирских городах. В Новониколаевске число убийств за вторую половину 1916 г. не изменилось по сравнению с 1914 г., и было зарегистрировано всего на один случай грабежа больше. В Бийске число убийств сократилось – одно во второй половине 1916 г. против

трех за такой же период 1914 г., а количество грабежей и разбойных нападений осталось прежним. Только в Барнауле помимо роста числа краж полицейские фиксировали и рост количества убийств, однако грабежи в городе полиция не отмечала. До последних дней существования монархии эта ситуация почти не менялась. Так, в Томске в январе–феврале 1917 г. произошло довольно много убийств в сравнении с аналогичным периодом 1914 или 1916 г. – 4 вместо одного. Однако за тот же период не было зарегистрировано ни одного грабежа или разбойного нападения [4; 11; 16].

После революционных событий февраля 1917 г. и последовавшей за ними ликвидации в стране полиции, криминальная ситуация в западносибирских городах существенно поменялась. Освобождение уголовных преступников из тюрем, произведенное согласно объявленной Временным правительством широкомасштабной амнистии, привело к взрыву уличной преступности в регионе. По данным газеты «Новая жизнь», только в Томске количество заключенных сократилось к апрелю–маю 1917 г. с 1000–1200 до 204 чел. [25]. Согласно свидетельству газеты «Голос свободы» из томской тюрьмы было освобождено еще больше заключенных – около 2000 чел. [26]. Именно после этой акции в городах резко возросло число краж, грабежей и убийств. Ситуацию значительно усугубило еще и то, что многие из вышедших на свободу уголовников были призваны в армию. Оказавшись в запасных полках при гарнизонах сибирских городов и получив в руки оружие, преступные элементы стали фактически терроризировать местное население [19, с. 202]. Красноречивыми свидетельствами послереволюционного положения в сибирских городах, царившего в них бандитского и солдатского произвола, полной утраты горожанами ощущения личной безопасности являются письма томичей, задержанные военно-цензурным комитетом Омского военного округа. В июне 1917 г. в письме военному служащему Тихону Строщакову во Францию неизвестный корреспондент из Томска жаловался на положение в городах после свержения царя: «Первое время после переворота все было ничего, действовали дружно, но сразу же страшно распустили солдат, с офицерами стали обращаться невозможно [...] и вообще больше похожи на разбойников, а не на солдат; их все боятся и в городе, и в деревне. Теперь начались пожары в разных городах и селах; в деревнях варят самосидку, появилась масса хулиганов, которые приводят в панику население. Арестантов всех выпустили, и теперь то и дело убийства и грабежи; люди боятся выходить вечером на улицу...» [27, л. 104–105]. В другом письме военный служащий Мартыненко писал, что после революции «...русские граждане [...] особого ничего хорошего не понимают, кроме карт, водки, самокурки, ругательств непристойных и грабежей. Вот наша свобода – на чертовский лад» [27, л. 151].

В начале лета 1917 г. в попытке обуздать нахлынувшую волну преступности власти в губернском центре прибегли даже к таким беспрецедентным мерам, как введение в городе военного положения. События в Томске 3–7 июня 1917 г.: создание Исполнительного комитета общественных и революционных организаций, подготовка и введение военного положения, последовавшая за ними масштабная операция с участием милиционеров и военных с целью проведения арестов амнистированных уголовных элементов, и результаты этой акции уже получили освещение в исторической литературе [19, с. 203–204]. Отметим только, что если эта наспех подготовленная и недостаточно хорошо реализованная операция и привела к некоторому снижению преступности в городе, то снижению весьма кратковременному, и значительного успеха в борьбе с преступностью в революционное время новым властям достичь так и не удалось. Помимо приведенных выше писем это показывает и статистика. По сведениям газеты «Путь народа», в декабре 1917 г. в Томске было совершено 136 краж, в то время как в декабре 1916 г. их согласно полицейским данным было всего 37. За этот же период в 1917 г. произошло 11 грабежей и разбойных нападений и 5 убийств, в то время как за аналогичный период 1916 г. полиция не зарегистрировала ни одного [28; 29, л. 3–37].

Таким образом, накануне войны в городах Томской губернии уровень уличной преступности был сравнительно высок, также наблюдалась устойчивая тенденция к ее росту. Тем не менее для горожан степень актуальности этой проблемы перед самой войной несколько снизилась, а изменения в высшем кадровом составе полиции Новониколаевска и Томска, очищение ее рядов от недобросовестных сотрудников в будущем вполне могли привести к некоторому снижению уровня преступности. С началом Первой мировой войны такое понижение все же произошло. До конца 1915 г. признаки роста уличной преступности в городах Западной Сибири отсутствовали, но в 1916 г. в связи с углублением экономического кризиса начался быстрый рост имущественных преступлений с преобладанием мелких краж. Дальнейшее ухудшение криминогенной ситуации привело к тому, что к концу 1916 – началу 1917 г. кражи в городах Томской губернии получили намного более широкое распространение, чем накануне войны, но в то же время число грабежей, разбоев и убийств не увеличилось в сравнении с предвоенным временем. Резкий рост их числа наблюдался только после свержения монархии, последовавшего за ней роспуска полиции и освобождения уголовных элементов из тюрем. Попытки новой власти обуздать нахлынувшую на города губернии волну преступности не привели к удовлетворительному результату, и в революционную эпоху уровень уличной преступности в несколько раз превосходил довоенный.

Библиографический список

1. Шиловский Д. М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002.
2. Обзор Томской губернии за 1911 год. – Томск, 1912.
3. Обзор Томской губернии за 1912 год. – Томск, 1914.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 70. – Д. 2456.
5. Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2003.
6. Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицейстеры, комиссары, начальники (руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). – Томск, 2002.
7. К делу о Ново-Николаевской полиции // Утро Сибири. – 1914. – 17 апр.
8. Война и преступность сибирских городов // Сибирская жизнь. – 1914. – 18 сент.
9. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 1544.
10. Цысь С.Н. Борьба с нарушителями «сухого закона» в Томске и Томском уезде в годы Первой мировой войны // Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета : материалы Международной конф. – Томск, 2008. – Ч. 1.
11. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 70. – Д. 1818.
12. Сибирская жизнь. – 1915. – 24 окт.
13. Утро Сибири. – 1916. – 11 мая.
14. Сибирская жизнь. – 1916. – 17 июля.
15. Сибирская жизнь. – 1916. – 4 нояб.
16. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 1665.
17. Сибирская жизнь. – 1917. – 20 янв.
18. Сибирская жизнь. – 1917. – 17 февр.
19. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв.). – Томск, 2002.
20. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 70. – Д. 2345.
21. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 70. – Д. 2348.
22. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 1587.
23. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 1605.
24. ГАТО. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 4052.
25. Новая жизнь. – 1917. – 4 мая.
26. Голос свободы. – 1917. – 29 марта.
27. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 1627.
28. Путь народа. – 1918. – 27 янв.
29. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 70. – Д. 2344.